

ВЫСОЦКИЙ, ИСТИНА И ОКУДЖАВА
Певец Каретного певцу Арбата

Как наш двор ни обижали – он в классической поре.
С ним теперь не справиться – хоть он и безоружен.
Там Володя во дворе, его струны в серебре,
Его пальцы золотые, голос его нужен.

Б.Окуджава «О нашем дворе»

Булат Шалвович Окуджава, признанный основоположник бардовского движения в новом времени, поэт, прозаик, драматург родился 9 мая 1924 года в Москве на старом Арбате. Его отец, Шалва Степанович Окуджава, и мать, Ашхен Степановна Налбандян, были революционерами, первыми партийцами в стране. Некоторое время Шалва и Ашхен состояли на высоких должностях, но в 1934 году их репрессировали по приказу Берия “в связи с антисоветской деятельностью”, отца же в 1937 году расстреляли. Тринадцатилетнего Булата вместе с младшим братом Виктором сестра Ашхен, Сильвия Налбандян, увезла в Тбилиси. Окруженный тбилисскими армянами, мальчик получил смешанное воспитание, которое нельзя назвать ни грузинским, ни армянским. В этом случае, скорее, подойдет эпитет “московское воспитание на авлабарской закваске”. Для тех, кто не знает: Авлабар – армянский район в Тбилиси.

Еле дождавшись совершеннолетия, Булат и его друг Георгий Минасян записались добровольцами и были отправлены на фронт, где Булат получил контузию и демобилизовался. Чудом вернувшаяся из очередной ссылки верная ленинка Ашхен Степановна, отдав лагерям почти двадцать лет, после разоблачения культа Сталина, Берии и Ленина, в ужасе хватается за голову: “Что мы наделали!” Она слегла в больницу и больше не вставала, а в 1983 году ее не стало. О том, как Булат пережил послевоенный период, он рассказал журналу “Советский экран”:

“После смерти Сталина я заново родился, стал другим человеком... Арест Берии и все такое... Был шок в течение десяти дней, потом началось ликование, я понял, что жизнь переменялась. Продолжалось это до 58-59-го года, когда подъем сменился упадком, и очень быстрым... В 61-62-м году... пошли гонения на интеллигенцию... А после 65-го года началась еще и антидиссидентская кампания и стало совсем скверно... В брежневский период я просто тихо умирал...”¹

¹ В Матисен. Я не теряю надежды. Советский экран 1990. № 3.

Впервые Высоцкий услышал Булата Окуджаву в 1962 году. У Высоцкого уже была написана "Татуировка", "Ленинградская блокада", "Бодайбо", всего около полудесятка вещей. Было серьезное увлечение Александром Вертинским, впрочем, без подражания ему в своем творчестве. И вдруг Окуджава! Тихое, проникновенное окуджавское исполнение оглушало своим объемом и значимостью. Друг Владимира Высоцкого, Игорь Кохановский, в своих воспоминаниях отмечает: "К тому времени блатная тема окончательно надоела и пришло осознание того, что стихи становятся работой, судьбой". И если проследить хронологию поэзии Высоцкого, то видно, что после 1964 года блатная тема исчезает полностью, уступая место серьезному, профессионально требовательному искусству. Высоцкий *услышал* Окуджаву!

Идет 1977 год. В самом "справедливом" в мире государстве лгали абсолютно все. И ложь была возведена в ранг государственной политики. В том же году Владимир Высоцкий знакомится с песней Окуджавы «Песенка о дураках», а затем, под впечатлением услышанного, создает лирическую по содержанию и взрывоопасную по сути песню "Притча о Правде и Лжи." И мотив песни, и ее звучание, и колорит настолько близки к стилю Окуджавы, но при этом остаются в характере Высоцкого, что произведение вызывает восхищение искушенного слушателя.

Нежная Правда в красивых одеждах ходила,

Принарядившись для сырых, блаженных калек...

Потому что не сырые и не блаженные в ней не нуждались.

Грубая Ложь эту Правду к себе заманила:

Мол, оставайся- ка ты у меня на ночлег.

Эпитеты *нежная* и *грубая*, данные автором к Правде и Лжи, служат усилением и помогают ясному восприятию текста. Мягкая, вдумчивая мелодика и негромкий трехдольный ритм, обрамляющие пятистопный хорей, в разы усиливают пафос повествования о коллизиях бескомпромиссной дамы по имени Правда. Для сравнения вчитаемся в строки другой песни Булата Шалвовича:

Опустите, пожалуйста, синие шторы.

Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.

Вот стоят у постели моей кредиторы

Молчаливые: Вера, Надежда, Любовь.

Та же ритмика, мелодичность, ненавязчивая вдумчивость. Тот же трехдольный ритм, легко трансформирующийся в серебряный перебор струн четырехдольного ритма. Как и окуджавские: Вера, Надежда, Любовь, у Высоцкого нарицательные существительные: Правда и Ложь, становятся именами собственными, и живут среди нас, как люди, иногда даже, как друзья. Да что греха таить, бывало, мы и сами обращались ко лжи, обращались так часто, что грань между одной и другой становилась незаметной.

почти несущественной, и вдруг наступает облегчение — а ничего страшного:

Выплела ловко из кос золотистые ленты
И прихватила одежды, примерив на глаз;
Деньги взяла, и часы, и еще документы,
Сплюнула, грязно ругнулась и вон подалась.

...Невольно думаешь: сказано будто про нас! Мы бываем поразительно беззащитны в своей, временах преступной, честности и прямоте, и потому легкоусыпляемы. Но, пробуждаясь, ужасаемся своей "глупости" и корим себя за нее, клятвенно обещая себе больше не попадать впросак. Но это повторяется еще и еще раз, и тогда рождается подленькая мысль: "С волками жить — по-волчьи выть". Впрочем, мы называем ее народной мудростью.

Но Правда — как правда, другой быть не может. Она:

...смеялась когда в нее камни бросали...

...подивилась, себя оглядев делово:

Кто-то уже, раздобыв где-то черную сажу,

Вымазал чистую Правду, а так — ничего.

Здесь явная ссылка на Библию, где мажут *черной* сажой, и побивают камнями неверных жен. Высоцкий указывает на абсурд современности: в древности обличали порок вымазыванием черной сажой, а затем побивали его камнями. Мы же пачкаем и закидываем камнями истину. И этот контраст резок и нелеп, как кровь на снегу.

А следующая за этой вторая строка шестой строфы вполне может стать крылатой: *Ложь это все, и на Лжи одеянье мое...*

Ситуация столь частая, что, наверное, нет человека, который хотя бы раз в жизни не произносил часть этой фразы.

И уже совсем близка кульминационная точка произведения! Вроде, самое главное сказано и добавить нечего. Однако, как это всегда бывает, ситуация доводится до абсурда, замечаешь, что от постоянного повторения теряется смысл происходящего и стирается критерий. Затем истина становится непонятной, бессмысленной, и голая Правда превращается в нечто неудсоооваримое: *Баба как баба, и что ее ради радеть!?...*

Прекрасный афоризм! И окончание музыкально: ради радеть. В творчестве Высоцкого обращение к народной речи столь же часто, как и написание строк, которые становятся афоризмами или крылатыми выражениями: *Баба как баба; на себя одеяло стянула; вон подалась; ложь это все, и на лжи одеянье мое; кстати, навесили правде чужие дела...*

Баба! Вот тебе раз! Неужели действительно так? А где же святое преклонение перед прекрасным?

И здесь самое время вновь вспомнить мудрого Булата Шалвовича! Он относится к женщине не менее трепетно, скорее более, чем кто-либо, и

ситуация с оскорбленной Правдой его гнетет так же сильно, как и восхищает женщина вообще. Вслушаемся:

Тьмою здесь все занавешено,
И тишина как на дне.
Ваше Величество, женщина!
Как вы рискнули ко мне!..²

Обожествление, которое принимается сразу и окончательно, выражается у Окуджавы тихим преклонением. У Высоцкого же оно может принять безапелляционный характер:

Украду, если кража тебе по душе, -
Зря ли я столько сил разбазарил?!
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял!³

На этом фоне "баба как баба" звучит довольно удручающе. Но при внимательном рассмотрении угадывается красная нить всего произведения. Ведь, создав женщину, Господь не создавал лжи! Наоборот, все им созданное, истинно! В этом смысле они (женщина и ложь) - равны быть не могут!

Ах, если бы женщины еще и понимали это!!!

Ложь, облеченная в красивые одежды, скрытое уродство. Но и голая правда довольно часто отталкивающе неприятна. В этом случае соглашаешься: *разницы нет никакой между правдой и ложью.*

Как же поступить? Какие действия могли бы выправить эту кривизну?

В этой ситуации Высоцкий предлагает такой выход:

... Правда со временем восторжествует, -
Если проделает то же, что явная Ложь!

Опять-таки фраза, достойная стать пословицей. Стоит напомнить армянскую пословицу: «Если ты в стране одноглазых – выколи себе один глаз». Разве не так? Разве не такой выход предлагает нам бескомпромиссный Высоцкий?

Давайте не спешить. Предлагаем вспомнить по этому поводу некоторые строки из его песен:

Не единою буквой не лгу.⁴
Снег без грязи – как долгая жизнь без вранья.⁵
Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята!⁶
Досадно мне, что слово «честь» забыто...⁷

² Б. Окуджава. Ваше Величество женщина...

³ В. Высоцкий. Лирическая.

⁴ В. Высоцкий. Прерванный полет.

⁵ В. Высоцкий. Белое безмолвие.

⁶ В. Высоцкий. Моя цыганская.

⁷ В. Высоцкий. Я не люблю.

Нас всегда заменяли другими,
Чтобы мы не мешали вранью.⁸

Бескомпромиссность, справедливость и моральная чистоплотность автора фонтаном брызжут в каждой строфе! Следовательно, эта фраза рассчитана на среду, породившую эту ситуацию. Вот что пишет Владимир Новиков, доктор филологических наук, профессор МГУ, академик Академии русской современной словесности, автор статей и книг о Высоцком: "Можно ли принять логику "некоего воющего за правду чудака," или правда должна оставаться правдой? Но не обречена ли она тогда на вечное бессилие?" Ах, как не хочется соглашаться!

...Конечно, обречена!

Но только до тех пор, пока она не выявится сама в ближайшем промежутке времени. А позиция Владимира предельно ясна – драться! Сколько хватит сил! А с этим, как раз-таки... Временами он понимал, что сил уже не хватает. Тогда звучивались такие строки:

А, может, с другом заодно –
И лечь на дно!⁹

Или:
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не смогли запеленговать...¹⁰

Высоцкий прекрасно понимает, что честно жить, как сказал Иисус Христос, легко и приятно. Ибо правда созидательна, а ложь – разрушительна! А единственное разрушительное, что позволял себе Владимир – это он сам! И здесь Володя старался усердно, в полном смысле слова, на разрыв аорты, рвался из сил, и из всех сухожилий!

Но будем, все же, уверены:

Чистая Правда, конечно же, восторжествует...

... если хотя бы, как минимум, ей не мешать!

И только в этом случае последняя строфа всего произведения, видоизменяясь, может прозвучать следующим образом:

Глядь, - и штаны не пронесит коварная Ложь.
Глядь – и часы не заметит коварная Ложь.
Глядь – и коня не уташит коварная Ложь.

Вот такое посвящение певцу Арбата от певца Каретного.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Новиков. Высоцкий. ЖЗЛ. - М.: Молодая гвардия, 2008.
2. А. Крылов и В. Новиков. Владимир Высоцкий. Поэзия и проза. - М.: Книжная палата, 1989.
3. Русская речь. Научно-популярный журнал РАН. - М.: Наука, 2008, №4.
4. В. Высоцкий. Собрание сочинений в четырех томах. - М.: Время, 2008.

⁸ В. Высоцкий. Песенка микрофона.

⁹ В. Высоцкий. Мой друг уедет в Магадан.

¹⁰ В. Высоцкий. Сыт я по горло, до подбородка...